

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ КАРАТЫГИНЪ

1860—1878¹⁾.

По поводу эвацій Айры Ольдриджа ¹⁾.

(Декабрь 1860 г.).

Вчера мы Ольдриджа въ театрѣ увѣнчали,
Торжественный ему мы сдѣлали приѣмъ:
Публично съ трагикомъ комедію сыграли
И поднесли ему раскрашенный дипломъ.
На томъ дипломѣ мы изобразили: Лира,
Отелло, Шейлока, съ припискою такой:
«Истолкователю великаго Шекспира—
Артисты русскіе!»... Вотъ былъ триумфъ какой!
Приписка, кажется мнѣ, не совсѣмъ толкова:
Ну, какъ Шекспира намъ онъ могъ истолковать,
Когда по англійски не знаемъ мы ни слова?
Прошу покорнѣйше тутъ смысла поискать!
Но шутки въ сторону, хоть, можетъ быть, некстати,
Но мнѣ взгрустнулось.. Не смѣйтесь надо мной,
Собратія мои, что вспомнилъ я о братѣ...
Начавъ за здравіе, сведу—за упокой!
Неужли, торжество готова для чужаго,
Роднаго трагика никто не воспоминалъ?...
Иль непонятно вамъ его казалось слово,
Когда Шекспира мысль онъ вамъ передавалъ?
Простите, не хотѣлъ я сдѣлать вамъ упрека,
Невольно молвилось словечко о родномъ—
И точно: «нѣсть въ своемъ отечествѣ пророка!»
Живому надобно и думать о живомъ!...

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1880 года, томъ XXVII, стр. 149—172.

Критикамъ Аделаиды Ристори.

(1861).

Не всякому дано искусство понимать;
 Тугь нужно эстетическое чувство...
 А нѣтъ его въ тебѣ, не смѣй-же отрицать
 Ты чуждаго твоимъ понятіямъ искусства!
 Мы отъ изящнаго отвыкли ужъ давно...
 Кто восхищается натурой неумытой,
 Тѣмъ господамъ понять, конечно, мудрено
 Пластичность дивную Ристори знаменитой.
 Иные говорятъ: «въ ней женственности нѣтъ;
 Игра ходульная, искусная рутинна»,
 Что—«вообще у ней небреженъ туалетъ...
 И Федра и Юдью зачѣмъ безъ криволиня!»
 Другой кричитъ: «стара! въ ней тѣма дурныхъ манеръ;
 Грудь, голосъ и лицо ужъ черезчуръ играсты;
 Все въ ней заучено; вездѣ расчетъ, размѣръ,
 И жесты странныя и широко шагаютъ!»
 Да, правда, что она шагаетъ широко!
 Догнать ее никто на сценѣ не возьмется...
 Искусство! какъ его критиковать легко,
 Какъ тяжело оно артисту достается!
 Чего не привелось намъ слышать, наконецъ,
 Отъ критиковъ толпы придирчивой, пристрастной...
 Да руки коротки, чтобы сорвать вѣнецъ
 Съ высокаго чела художницы прекрасной!
 Европы приговоръ—не подкупная ложь;
 Хоть это-бы расчелъ иной затѣйникъ...
 На даровщинку тамъ ужъ славы не возьмешь,
 Не то, чтобъ удивлять свой только муравейникъ!

Реалистъ.

(1862).

Я люблю натуру; какъ себѣ хотите,
 Чтобы все, формально, было на лицо!
 Вы меня ужъ, просто, хлѣбомъ не кормите,
 Если только слышу крѣпкое слово...
 Какъ мужикъ съ любашей въ кабацѣ напьется,
 Какъ ее голубить подъ веселый часъ;
 А потомъ, посмотрншь, съ нею подерется,
 За косу оттреплеть, подобеть ей глазъ!
 Широка въ разгулѣ русская натура!..
 Въ кабакахъ мы видимъ нравовъ простоту...

Пусть же представляет намъ литература
 Нашу грязь родную, всю, на чистоту.
 Пусть кричатъ педанты, что мой взглядъ невѣренъ;
 Что натуру вымытъ надо иногда;
 Будто вкусъ изящный нынѣ ужъ потерянъ;
 Будто въ нашихъ драмахъ—чужь и ерунда!
 Что динимъ мужицкій съ пошлымъ разговоромъ,
 Съ площадною бранью вышелъ изъ границъ;
 Что поэты наши потчуютъ насъ вздоромъ;
 Что въ театры нынче брать нельзя дѣвицъ!
 Пусть же тѣ дѣвицы въ жизнь поглубже выикнуть
 И урокъ полезный для себя найдуть...
 Пусть сперва красѣютъ, а потомъ привыкнутъ—
 И краснѣть не будутъ, какъ во вкусъ войдутъ!
 Каждая дѣвица будетъ бабой—стало:
 Раньше или позже нужно все узнать...
 А невинность корчить пользы нѣтъ нисколько;
 Въ скромницахъ-дѣвицахъ проку не бывать...
 То всегда изящно, что изъ правды выйдетъ:
 Грязнаго въ природѣ нѣту ничего!
 Только близорукой этого не видить;
 Только рутинерамъ не видать того!
 Пусть со всюю грязью жизнь намъ представляютъ...
 Мы вполне оцѣнимъ честные труды:
 Такъ навозъ вонючій землю удобряетъ,
 А земля приноситъ чистые плоды!

Реформаторамъ русской орфографіи ¹⁾.

(1862).

О чемъ шумите вы, друзья, въ Большой Мѣщанской?
 Зачѣмъ аваемъ хотите вы предать
 Фигу, и ерь, и ерь, и жицу, и ать?
 Пль подвигъ совершить мечтаете гигантскій,
 Когда бы удалось вамъ дерзкою рукой

¹⁾ Вопросъ о сокращеніи русской азбуки и о преобразованіи нашего правописа-
 нія былъ поднятъ весной 1862 года. Собранія педагоговъ происходили въ залѣ вто-
 рой гимназіи; они были очень шумны и интересны; мысль же объ измѣненіи пись-
 меннаго языка нашла нѣсколькихъ послѣдователей: появились книги и ландкарты,
 выпечатанныя безъ буквъ ъ, з, ѣ, ѝ. Покойный Н. И. Гречъ, въ восторгѣ отъ
 посланія, которое П. А. Каратыгинъ прочелъ ему, отпечаталъ это стихотвореніе
 на особыхъ листкахъ и распространилъ въ кругу многочисленныхъ своихъ зна-
 комыхъ. «Это мой долгъ,—говорилъ онъ,—какъ оберъ-полиціймейстера русской
 грамматики. Это преобразование—дичь, въ которую стоитъ стрѣльнуть эпи-
 граммой». По этому поводу онъ разсказалъ П. А. Каратыгину анекдотъ, бывший
 съ нимъ въ царствованіе императора Николая Павловича.

Изъ русской азбуки ихъ вытолкать въ три-шеи?
Оставьте этотъ споръ старинный и нустой!

Почище васъ брались за это грамотѣи,
Да не могли рѣшить давнишній тотъ вопросъ...

И противъ этихъ буквъ, какъ противъ супостатовъ,
Школярство поднялось!

За чтѣ, про чтѣ на нихъ гоненье началось?
Для экономіи? для сокращенія штатовъ?
Для красоты письма? или просто, можетъ быть,
Чтобы безграмотнымъ невѣждамъ угодить?
Но, чтобы разрѣшить вопросъ такого сорту,
Такъ и грамматику послать бы лучше къ чорту!
Пиши, какъ говоришь: своему, маво, тваво...
Хоть выйдетъ ерунда, да это ничего...
За то родной языкъ для мужичковъ упрочимъ...
Мы о натурѣ всѣ ужъ такъ давно хлопочемъ!
Но кто-жъ вамъ право дать, составивъ комитетъ,
Коверкать грамоту, непризванные судьи?
Откуда вы взялись? Гдѣ вашъ авторитетъ?...
Или васъ уважать должны мы на безлюдьи?
Вамъ—дѣлать нечего; васъ тѣшить этотъ споръ,
А на порядочныхъ людей тоску наводить.
Толчете воду вы—и безтолочь выходить!
Но чѣмъ же кончится вашъ судъ и приговоръ?
Намъ споры дѣльные и тѣ неудаются,
А это сходбище конецъ извѣстный ждеть:
«Поспорять, пошумять и разойдутся».—
И дѣло далѣ Мѣщанской не пойдетъ!

Нигилисту.

Ты сомнѣваешься, рѣшительно, во всемъ:
И въ Богѣ, и въ душѣ; не вѣришь въ Провидѣнье...
Увѣрься-жъ, наконецъ, хотя въ одномъ:
Что глупъ ты! Въ этомъ ужъ не можетъ быть сомнѣнья

— Однажды Государь, разговаривая со мною о русскомъ правописаніи, спросилъ: «Снажи мнѣ, Гречъ, зачѣмъ въ нашей азбукѣ существуетъ буква ѣ?»

— Она существуетъ, ваше величество, въ видѣ знака отличія людей грамотныхъ отъ безграмотныхъ.

Засѣданія педагоговъ ничѣмъ, разумѣется, не кончились. Впрочемъ, и нынѣ въ газетахъ появляются объявленія отъ домашнихъ учителей: «педагог ищетъ занятій», а въ Варшавѣ издается журналъ съ подобнымъ правописаніемъ; журналъ, впрочемъ, весьма почтенный, представившій нѣсколько весьма дѣльныхъ научныхъ статей.

П. Е.

Воминъ понедѣльникъ.

(4-е апрѣля 1866 г.).

Христось воскресъ—и не повѣрилъ чуду
 Одинъ Ома, что онъ во-истину воскресъ!
 И въ наше время Богъ намъ чудо посылаетъ,
 Чтобъ вѣра твердая не оскудѣла въ насъ...
 И чудо то, по божьему велѣнью,
 Въ недѣлю о Омѣ свершилось на Руси!...
 Ужели мы, слѣпцы, и нынѣ усомнимся
 И въ вышнемъ Промыслѣ и въ благости Творца?
 Не заповѣдалъ-ли Онъ ангеламъ небеснымъ
 Хранить Царя на всѣхъ его путяхъ?!
 Благословенъ Господь отнынѣ и до вѣка...
 Онъ, благостью своей въ насъ вѣру укрѣпилъ:
 Онъ лучшаго Царя и человѣка
 Для благоденствія Россіи сохранилъ!

Другу, по поводу бранной статьи о Севастополѣ.

—«Могила храбраго отечеству священна»—
 Такъ предки завѣщали намъ...
 И это чувство въ насъ пребудетъ неизмѣнно,
 И мы передадимъ его своимъ сынамъ!
 Понятно русскому твое негодование
 При оскорбленіи для насъ священныхъ мѣсть...
 Кого не возмутитъ святыни поруганье?
 Кто не откликнется на честный твой протестъ?
 Но, вѣрь, что клеветой и ложью ядовитой,
 Никто не помрачитъ намъ дорогихъ именъ...
 Крестъ, лаврами и терніемъ обвитый,
 На Севастопольской Голгоѣ водруженъ!
 Онъ служить намъ символомъ искупленья...
 И кто бы передъ нимъ главою не поникъ!
 А онъ... безвѣстный клеветникъ,
 Нигдѣ не скроется отъ общаго презрѣнья!

Издателю «Молочка».

(По поводу изданія «Колокола» на французскомъ языкѣ, въ Парижѣ).

1867.

Напрасно столько гѣть твой «Колоколъ» трезвонилъ;
 Напрасно билъ въ набатъ, гудѣлъ и завывалъ:
 Ни старовѣровъ онъ возстать не урезонилъ,
 Ни мужиковъ не взбунтовалъ
 Довольно, пономарь, покуралесилъ...

И съ колоколни бы—долой, какъ отзвонилъ!
 Нѣтъ, къ «Колоколу» ты другой языкъ привѣсилъ,
 Въ Парижъ изъ Лондона его перетасилъ!
 Но либеральный звонъ едва-ль Наполеону
 Приятенъ будетъ для ушей...
 Смотри, чтобъ самъ тебѣ не задалъ онъ трезвону—
 Держи ты ухо новострѣй!

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Закулисныя эпиграммы.

1853 — 1877 гг.

1.

Съ покойнымъ трагикомъ чтобъ вступить въ борьбу,
 Максимовъ нашъ зашелъ далеко—
 И у Гордона въ погребу
 Гамлета изучалъ глубоко!
 Хоть этотъ способъ, можетъ быть,
 Инымъ покажется и страненъ,
 Но надо то сообразить,
 Что погребщикъ былъ англичанинъ:
 Держа въ рукахъ оригиналъ,
 Переводилъ Шекспира слово-въ-слово;
 Максимовъ передъ нимъ роль Гамлета читалъ
 По переводу Полевого ¹⁾,
 И долгій разговоръ они о томъ вели,
 Какъ въ переводахъ намъ Шекспиръ не удастся...
 Но много-ли они вина перевели—
 Во мракѣ погреба сокрытымъ остается.

2.

Тремъ переводчикамъ Гамлетъ не удался...
 Чтобы поправить зло такое,
 Четвертый за него взялся—
 И вышло хуже—втрое!
 Одно изъ двухъ: Гамлетъ едва-ль переводимъ,
 Или только на Руси ему невзгода...
 За то ужъ переводчикамъ плохимъ
 У насъ, рѣшительно, не будетъ перевода!

¹⁾ Фактъ—рассказанный самимъ А. М. Максимовымъ.

3.

Гамлетъ возобновленъ былъ съ роскошью большой,
 Дирекція о немъ усердно постаралась;
 Все отличалось блестящей новизной
 И въ транспарантѣ тѣнь эффектно появлялась...
 Короче: сталъ Гамлетъ теперь совсѣмъ другой—
 И тѣни прежняго Гамлета не осталось!

4.

Тургеневъ хоть у насъ и славу заслужилъ,
 На сценѣ-же ему не слишкомъ удается...
 Въ комедіи своей онъ такъ перетонилъ,
 Что скажешь нѣхота: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется!»

5.

Есть два Потѣхина; о старшемъ напередъ:
 Онъ написалъ «Добро чужое впрокъ нейдетъ».
 Меньшой въ чужомъ добрѣ нашелъ довольно проку
 И ловко за свое чужое выдаетъ.
 Хоть критики его и распекали за «Доку»,
 А онъ пословицу другую имъ въ отпоръ:
 «Быль молодцу»-де «не укоры!»

6.

Островскаго я не хотѣлъ обидѣть,
 Но думалъ такъ на этотъ разъ:
 «Своихъ людей» всегда могу я видѣть,
 А гости этакой не видано у насъ ¹⁾.

7.

Васильевъ, вотъ, что я замѣтить вамъ хочу:
 Хотя въ иныхъ роляхъ забавны вы и ловки,
 Но «Вицъ-мундиръ» ²⁾ ужъ вамъ совсѣмъ не по плечу,
 Играли-бы себѣ въ сибиркѣ или въ поддевкѣ!

8.

Успѣхъ «Воробушковъ» меня не удивляетъ;
 Не мало мы найдемъ для этого причинъ:
 Вѣдь на безрыбьи ракъ за рыбу отвѣчаетъ,
 А на безлюдьи чѣмъ Гома не дворянинъ?
 И кто-жъ не принималъ за правду небыллицы?
 Ъдять воробушковъ, коль нѣтъ вкуснѣе птицы.

¹⁾ Въ вечеръ перваго представленія комедіи «Свои люди сочтемся» на Мариинскомъ театрѣ играла Ристори.

²⁾ Водевиль П. А. Каратыгина.

9.

Подрадчинеи піесъ рѣшился, вдвоемъ
 Съ поэзіей своей, пуститься въ область птичью:
 Даютъ намъ «Коршунувъ», «Воробушевъ», потомъ—
 Что будетъ дальше—подождемъ—
 Какой они еще поподчуютъ насъ дичью!

10.

«Какъ пойдетъ нашъ «Воевода»,
 Всѣ кричали напередъ:
 «Посмотрите, что дохода
 Онъ театру принесетъ!»
 Ожиданья были долги,
 Результатъ коротокъ былъ:
 Вотъ явился «Сонъ на Волгѣ»
 И чуть всѣхъ не усмирил! ¹⁾

. . . . .

11.

Тому назадъ четыре года
 Заснулъ, казалось, вѣчнымъ сномъ
 На нашей сценѣ «Воевода»
 И позабыли всѣ о немъ.
 И что-жь? Вдругъ чудо совершилось
 Съ похороненнымъ мертвецомъ:
 Изъ драмы опера сложилась—
 И воевода сталъ пѣвцомъ!
 Быть можетъ, сказочнымъ сюжетомъ
 Маэстро новый былъ плѣненъ;
 Иль потому, что неотпѣтымъ
 Былъ «Воевода» погребенъ...
 Не знаемъ! Но съ судьбой упрямой
 Намъ трудно совладать подчасъ—
 И то же съ оперой, что съ драмой,
 Случилось на этотъ разъ:
 Не удалась эта сказка,
 Скромная на новый ладъ...
 Едва не сдѣлала fiasco
 (Какъ итальянцы говорятъ)...
 Но «Воеводѣ» нѣтъ регона
 Вторично повидать сей свѣтъ:
 Не попросить-ли Сенъ-Леона
 Состряпать изъ него балетъ?

¹⁾ П. А. Каратыгинъ грубо заблуждался не находя достоинствъ въ «Воеводѣ». Если это произведеніе оказалось не вполне сценичнымъ, то это не отнимаетъ у него значенія одной изъ самыхъ замѣчательныхъ историко-драматическихъ драмъ въ русской литературѣ.

12.

Васильевъ въ «Грознамъ» могъ смѣшить,
 Но врядь-ли поводъ дастъ къ сужденіямъ серьезнымъ:
 Ивановъ грязнымъ онъ и грузнымъ можетъ быть,
 Но мудроно ему быть грознымъ!

13.

«Ивана Грознаго» играли три актера ¹⁾,
 Но трудно автору имъ было угодить...
 Четвертый—эту роль, какъ яблоко раздора,
 По мнѣнью автора, могъ только раскусить.
 Соперниковъ своихъ надѣвъ костюмъ потертый,
 Онъ важно грознаго царя изобразилъ:
 А такъ какъ Грозный самъ былъ Іоаннъ IV-й
 По счету, стало быть, онъ настоящій былъ!
 Хотъ публика его совсѣмъ не одобряетъ,
 Но чтъ судъ публики предъ авторскимъ судомъ?
 Вънокъ четвертому самъ авторъ присуждаетъ—
 И мы предъ авторомъ склоняемся челомъ—
 Но «Грознаго» смотрѣть ужъ больше не поидемъ!

14.

Безсмертный Пушкинъ нашъ изобразилъ «Бориса»;
 Теперь «Бориса» вновь представилъ графъ Толстой...
 Мы ограничимся пословицей одной:
 — Съ богатымъ не тянись, а съ сильнымъ не борись!

15.

Нѣтъ, Шиллера «Коварство и любовь»
 Не въ-время для насъ возобновили:
 Искусство ужъ давно утратило жрецовъ,
 Которые ему какъ божеству служили!
 Мольеръ, и Бомарше, и Шиллеръ, и Шекспиръ,
 Ужъ отжили свой вѣкъ.. и имъ пришелъ на смѣну
 Пикантный Оффенбахъ—теперь онъ нашъ кумиръ!
 Восхвалимъ-же, друзья, «Прекрасную Елену»!

16.

Самаринъ угодить лабазникамъ взялся,
 Да разыгралася плохая штука:
 Заставилъ онъ молотъ артистовъ три часа—
 А вышла не мука, а мука! ²⁾

¹⁾ Самойловъ, Васильевъ—въ Петербургъ, Шумскій—въ Москвѣ.

²⁾ Комедія: «Перемелется—мука будетъ».

17.

Въ Лѣсной съ пріятелемъ мы на спектакль попали—
И досидѣть могли едва...
Тамъ «Лѣсъ» Островскаго играли,
Да—по пословицѣ: «кто въ лѣсъ, кто по дрова»!

18.

Нѣтъ, въ «Горѣ отъ ума», по моему понятью,
Каррикатурные костюмы ни въ чему...
И можно-ли того встрѣчать по платью,
Кого мы провожать привыкли по уму?

19.

Офелія съ ума отъ горя сходить—
И эта роль вамъ удалась весьма...
Но вашъ талантъ сомнѣніе наводитъ,
Когда играете вы «Горе отъ ума»!

20.

Въ «Женитьбѣ Фигаро» играть не хочетъ Нильскій!
Онъ правъ: онъ чувствуетъ, что дѣло выйдетъ швахъ...
И то сказать: зачѣмъ Цирюльникъ намъ Севильскій,
Когда у насъ есть свой «Цирюльникъ на Пескахъ»?

21.

Комедія О ж ъ е, скажу я вамъ,
Сыграла съ нами злую шутку:
Актерамъ вытѣшнымъ пришлось не по зубамъ,
А публикѣ—не по желудку.

Пѣсни о Наполеонидахъ.

I.

Мальбругъ на Рейнѣ.

(Сентябрь 1870 г.).

(На голсъ: *Mallbrough s'en va-t-en guerre!*).

Мальбругъ въ походъ собрался...
Хвально, иди на рать,
Пруссакамъ общался,
Онъ феферу задать!
Онъ важно вытѣшаетъ
Къ волскамъ взъ Тюльберн,
И музыка играетъ:
«Partant pour la Syrie!»

Мадженты, Сольферино—
 Прославленный герой,
 Береть съ собою сына
 Любезнаго на бой;
 Чтобъ онъ на полѣ чести
 Примѣръ съ папаша бралъ;
 И вотъ, съ папашей вмѣстѣ,
 Войска онъ объѣзжалъ.

За ними скачеть свита
 На боевыхъ коняхъ;
 Вся золотомъ облита,
 Всѣ въ звѣздахъ и въ крестахъ.
 То декабря втораго
 Почетный Легионъ!
 Тутъ былъ и prince Moskowa,
 И храбрый Махъ-Магонъ.

Развернуты знамена,
 Войска кричатъ: «вивать!»
 Евгения съ балкона
 Привѣтствуетъ солдатъ!
 Мальбругъ, на всѣхъ тутъ глядя,
 Parole d'honneur даетъ,
 Что нѣмецъ онъ, какъ дядя,
 Въ бараній рогъ согветъ!

Что сбавить имъ гордыни,
 Что черезъ десять дней,
 Подпишетъ миръ въ Берлинѣ,
 На страхъ Европѣ всей!..
 И вотъ герой французскій
 Кричитъ: «на Рейнъ! впередъ!»
 И всѣ къ границѣ прусской
 Отправились въ походъ!...

Идутъ солдаты съ шикомъ,
 Народъ валить толпой—
 И изъясляетъ крикомъ
 Восторгъ телячій свой!
 Оконченъ праздникъ пышный,
 Пустѣеть Тюльери...
 Лишь вдалекѣ чуть слышно:
 «Partant pour la Syrie!»

Вотъ дни идутъ за днями,
 Народъ все ждетъ-пождетъ:
 Съ какими-то вѣстями
 Мальбругъ гонца пришлетъ?
 У всѣхъ одна забота,
 Чтобъ новости узнать,
 Но о побѣдахъ что-то
 И слыхомъ не слыхать!..

Что-жь это за причина?
 Прошло ужъ десять дней,
 Однакожь, изъ Берлина
 Нѣтъ никакихъ вѣстей!
 Вдругъ, слухъ невѣроятный
 Распространился тутъ:
 Французы на попятный
 Отъ пруссаковъ бѣгутъ;
     Что терпятъ пораженья
     Они со всѣхъ сторонъ,
     Что проигралъ сраженье
     Самъ маршалъ Макъ-Магонъ:
     Что нѣмцы окружили
     Мецъ, Страсбургъ и Седанъ—
     И съ бою захватили
     Эльзасъ и Орлеанъ;
 Что цѣлый корпусъ сдался,
 Что раненъ Макъ-Магонъ...
 Что, наконецъ, попался
 И нашъ Мальбругъ въ полонъ!...
 Дивиться надо чуду
 (Коль это не вранье):
 Искать онъ смерти всюду—
 И не нашелъ ее!
     Вѣрите же: дать тягу
     Ему не удалось—
     И вотъ онъ отдалъ шпагу...
     Что-жь дѣлать— «Сорвалось!»
     Какою-то паникой
     Войска поражены!
     Гдѣ-жь націи великой,
     Вы, прежніе сыны?!
 Ужасный рокъ свершился:
 Мальбругъ-Наполеонъ
 Со срамомъ провалился
 И сталъ для всѣхъ смѣшонъ.
 Вся Франція возстала,
 Кричитьъ: «дохой его!»
 И валить съ пьедестала
 Кумира своего!
     За нимъ орлы слетаютъ,
     Слетаютъ кувиркомъ;
     Ихъ всюду замѣняютъ
     Фригійскимъ колпакомъ!
     Евгенія смекнула,
     Что будетъ плохо ей,
     И въ Англію рискнула
     Отправиться скорѣй!..

Мальбрутъ расчелъ заранѣ,
Туда жъ сына послать:
Онъ зналъ, что при Седанѣ,
Ему не сдобровать!
Давно-ли императоръ
Мечталъ войти въ Берлинъ,
Какъ грозный триумфаторъ,
Среди своихъ дружинъ?

И вотъ, надеждѣ нашей
Принемъ коонецъ какой:
Груститьъ сынокъ съ мамашей
На сторонѣ чужой!
А ты, судьбы избранникъ,
Кто міру былъ грозой,
Ты дадошканиъ племянникъ,
Гдѣ ты, и что съ тобой?

Ты, какъ враждебный геній,
Который двадцать лѣтъ
Причиной былъ волненій,
Народныхъ смуть и бѣдъ!
Ты Франція прекрасной
Погибель и укоръ...

И ты... ты могъ, несчастный,
Свой пережить позоръ?

Въ тѣ дни, какъ окружаютъ
Французовъ тѣмъ враговъ;
Всѣ бѣдствуютъ, страдаютъ,
Рѣкою льется кровь;
Когда Парижъ убитый
Ждетъ голодъ или разгромъ,
Ты, плѣнникъ знаменитый,
Введенъ въ роскошный домъ;

При домѣ садъ потѣшный,
Фонтаны, паркъ большой...

Попалъ ты, многогрѣшный,
Изъ ада въ рай земной!...

Тебя здѣсь угощаютъ;

Ты веселъ и здоровъ;

Для кухни доставляютъ

Французскихъ поваровъ;

Ты ѣшь и спишь исправно
И вдоволь пьешь рейнвейнъ...

Вотъ какъ покончилъ славно

Ты свой походъ на Рейнъ!

Теперь пусть всякій судить—

По своему о немъ...

А такъ, что дальше будетъ,

Мы послѣ допоемъ!

Сентябрь 1870 г.

43

II.

Допѣтая пѣсенка.

(Мартъ 1871 г.).

Прошло полгода, други,
 Съ тѣхъ поръ, какъ общалъ
 Я къ пѣснѣ о Мальбругѣ
 Допѣть ея финаль...

Мальбругъ нашъ въ Вильгельмсгезъ
 Довольно скромно жилъ;
 Онъ вдвое сталъ жирнѣе,
 Отлично ѣлъ и пилъ.

Ничѣмъ не занимался,
 Махнулъ на все рукой—
 Да на конькахъ катался
 Онъ, говорятъ, зимой.

Мы ждали, что отъ скуки,
 Развѣнчанный хитрецъ
 Не закатилъ бы штуки
 Европѣ, подѣ конецъ...

Но, нѣтъ, судьбы гоненья
 Сломають хоть кого.....
 И геній и Евгенья
 Покинули его!

Прошла пора—бывало
 Онъ покрутилъ усы...
 И все затрепетало—
 Ждутъ бури и грозы!

Гоняться онъ за славой
 Французовъ подстрекалъ...
 И дяди слѣдъ кровавый
 При немъ не просыхалъ—
 А воеъ теперь, какъ сгинеть
 Седанскій нашъ герой,
 Такъ съ нимъ и слѣдъ простынетъ
 Семейки роковой!

Теперь Наполеоны,
 Ихъ сколько-бъ ни нашлось—
 И Пьеры и Плонъ-Шлоны,
 Въ Парижъ не сунуть воеъ!...

Но гдѣ-жъ его супруга?

Сыночекъ—анонимъ?

Оставили Мальбруга

И не хотять быть съ нимъ.

Въ Британіи далекой
 Съ Лулу она живетъ—
 Забытой, одинокой,
 Жизнь скромную ведетъ...

Чтобъ не скучать бездѣльемъ,
 Въ злой участи своей,
 Печальнымъ рукодѣльемъ
 Пришлось заняться ей:
 Конфузно—мастерицѣ
 Бѣлье свое послать,
 А шифръ императрицы
 Съ него ужъ надо снять...

Засядеть, дверь затворить
 Красавица моя,
 Да все коронки поретъ
 Съ роскошнаго бѣлья!..
 Оставимъ же супругу,
 Пока, съ ея бѣльемъ,
 И къ плѣвному Мальбругу
 Мы снова перейдемъ.

Подчасъ пороть искусно
 Умѣлъ онъ, спору нѣтъ,
 Но распоротъ то грустно,
 Что шито двадцать лѣтъ!
 Коронки снять не хочетъ
 Мальбругъ-Наполеонъ..
 И, подъ шумокъ, хлопочетъ
 Загѣзть опять на тронъ...

Республика, онъ знаетъ,
 Французамъ надоѣсть;
 И вотъ онъ посылаетъ
 Во Францію протестъ:
 «Что вовсе нѣтъ резонновъ
 Ему отставку взять;
 На ней пусть семь миліоновъ
 Подпишутся опять!»

Придумавъ эту мѣру,
 Онъ веселѣе сталъ;
 Протестъ отправилъ къ Тьеру
 И все отвѣта ждалъ..
 Трудилъ себя посланьемъ
 Онъ ровно ни къ чему;
 Презрительнымъ молчаньемъ
 Отвѣтили ему!

«Нѣтъ,—говорить,—съ такими
 Царями пропадешь;
 Ты фразами своими
 Ужъ насъ не проведешь!
 «На нихъ ты, въ самомъ дѣлѣ,
 Собаку съѣлъ, злодѣй!..
 А мы такъ вошекъ ѣли
 По милости твоей!»

«Для своего спасенья,
Ты бросилъ свой народъ,
Такъ общее презрѣнье
Тебѣ изъ рода въ роды!»...
Порядочныхъ нотаций
Бисмаркъ Мальбругу далъ,
Чтобъ онъ отъ прокламацій
Себя поудержалъ!...

Мальбругъ тутъ сталъ невеселъ,
Забылъ и о конькахъ;
Вдохнулъ и носъ повѣсилъ
И видитъ—дѣло швахъ!!

Межъ тѣмъ, войнѣ кровавой,
Конецъ уже насталъ;
Онъ шаврами и славой
Вильгельма увѣнчалъ!

Сдался французъ задорный;
Пришлось главу склонить,
И съ нѣмцемъ миръ позорный
Быть долженъ заключить!...

И вотъ въ Парижъ—тевтоны
Торжественно идутъ
И съ музыкой знамена
Побѣдныя несутъ!...

Но полное презрѣнье
Чтобъ выказать врагамъ,
Парижа населенье
Все скрылось по домамъ...

Мальчишки только рыщутъ
За нѣмцами бѣгомъ;
И вслѣдъ имъ грозно свищутъ,
Иль дразнятъ языкомъ!...

Лишь только миръ въ Версали
Успѣли подписать,
Мальбругу волю дали
Собой располагать...

Своимъ освобожденьемъ
Хоть онъ доволенъ былъ,
Но съ дядюшкой сравненьемъ
Свой духъ онъ возмутилъ:

«Какъ дядю въ плѣнъ забралъ,
Конгрессъ пришлось созвать;
Всѣ голову ломали:
Куда-бъ его сослать?»

«А я... совсѣмъ сконфуженъ:
Открыли настежь дверь...
Не страшень и не нуженъ
Я никому теперь!

«Окончилась позоромъ
Имперія моя!...

Ошканнымъ актеромъ
 Схожу со сцены я!
 «Карету мнѣ, карету!»
 Потомъ—на пароходъ...
 Мальбругъ докажетъ свѣту,
 Что онъ не пропадетъ!
 «Пусть будетъ мнѣ пріютомъ
 Коварный Альбионъ:
 Онъ нравственнымъ банкротамъ,
 Всегдашній былъ притонъ!...
 «Тамъ все—что въ утѣшенье
 Мнѣ грозный рокъ послалъ:
 Дулу, моя Евгенья
 И въ банкахъ—капиталъ!
 «Я всякія невзгоды
 Умѣлъ переживать...
 Тамъ, у моря—погоды
 Я буду ожидать!»...
 Сказалъ—и въ путь собираться
 Велѣлъ своимъ друзьямъ...
 И съ нимъ они стремятся
 Къ Британскимъ берегамъ
 Теперь мы о Парижѣ
 Рѣчь съ вами поведемъ;
 Посмотримъ же поближе,
 Что дѣлается въ немъ:
 Лишь только бой злосчастный
 Былъ прекращенъ—какъ вновь
 Врагъ, болѣе опасный,
 Парижъ терзать готовъ...
 Подъ знаменемъ свободы,
 Туда, со всѣхъ сторонъ,
 Стеклися коноводы,
 Свой учреждать законъ:
 Искатели фортуны,
 Безвѣстный, гнусный сбродъ,
 Отъ имени коммуны,
 Декреты издаетъ...
 Въ Версали—министерство,
 Въ Парижѣ—комитетъ...
 Вездѣ грабежъ и звѣрство
 Идутъ ему вослѣдъ!
 Еще-ль не пострадала,
 Ты, жалкая страна?
 Еще-ли кровью мало
 Земля обогрена?...
 Вотъ ружья, митральезы,
 Загрохотали вновь...

Опять и воиль, и слезы,
 И снова льется кровь!...
 Но кровь не супостата,
 Кто былъ имъ братъ не свой...
 Нѣтъ! братъ возсталъ на брата
 Неистойвой войной!...
 Разнузданность народа,
 Терроръ, грабежъ и кровь—
 Вотъ—равенство, свобода
 И братская любовь!
 Тамъ—церкви раззоряють,
 Тутъ—безъ суда казнятъ...
 Безумствуя, не знаютъ
 И сами чтò творять!...
 Здѣсь кончимъ пѣсню нашу,
 А то намъ долго ждать,
 Пока имъ эту кашу
 Придется расхлебать!

III.

Сверженіе Вандемской колонны.

(Май 1871 г.).

О, какъ непрочно здѣсь и слава, и почетъ!
 Племянника за дядю возносили...
 А вотъ, теперь, наоборотъ:
 Изъ-за племянника и дядю повалили!

IV.

Смерть Наполеона III.

(6-го января 1873 г.).

Наполеонъ угасъ!... Теперь пусть судъ людской
 Его дѣянья судить!
 Онъ дядѣ подражать старался всей душой,
 Но быть вторымъ не могъ; авось, послѣднимъ будетъ!

V.

По поводу кончины Наполеона III.

Актеръ великій, гениальный—
 Сошелъ со сцены наконецъ;
 Окончилъ драмою печальной,
 Вглуши, разнѣванный хитрецъ.
 Еще при жизни рокъ суровый
 Его за гордость покаралъ,
 И съ головы вѣнокъ лавровый,
 Какъ съ недостойнаго, сорвалъ!
 Тяжка была его кончина,
 Печаленъ былъ его удѣлъ:
 Кромѣ вдовы его и сына,
 О немъ никто не пожалѣлъ!

Онъ запыталъ свою корону,
Наслѣдства сына онъ лишилъ...

И къ императорскому трону
Седаномъ путь загородилъ.

Не въ бѣдствіи не унываетъ

Честолюбивая вдова—

И, какъ регентша, заявляетъ

На тронъ сѣновія права!

Жалка ты, экс-императрица,
Съ своей несбыточной мечтой;

Не лучше-ли тебѣ смириться

Передъ карающей судьбой?!

Когда-бъ Наполеонъ героемъ

Въ Седанѣ голову сложилъ,

Тогда-бъ, быть можетъ, вамъ обоимъ

Французскій тронъ доступенъ былъ...

Теперь—идите на чужбинѣ

Себѣ пріюта и друзей:

Вы чужды Франціи отнынѣ,

Расчетъ покочили вы съ ней!

Династіи Наполеона,

Знать—четное число не въ счетъ:

Второй былъ устраненъ отъ трона,

Четвертаго та-жъ участь ждетъ.

Такъ бросьте-жъ тщетныя усилія,

Ужъ снова не подниматься вамъ...

И грозный рокъ подрѣзалъ крылья

Наполеоновскимъ орламъ!

Русская пѣсня.

(Отвѣтъ на нападки западной прессы).

«Чѣмъ я Западъ огорчила?»

(Пѣть приходится Руси)

Али тѣмъ, что такъ любила,

Что,—и Боже упаси!

Родилась я съ добрымъ сердцемъ—

Вотъ въ чемъ горе все мое...

У меня-ли всякимъ шмерцамъ

Не раздольное житье?

О французяхъ ужъ ни слова:

Имъ всѣ льготы и почѣтъ...

Имъ рожна еще какова

На Руси не достаетъ?

Денегъ имъ я сыплю грудю,

На награды не скуплюсь...

И куда ни плюнь—повсюду

Или нѣмецъ, или французъ!

Я-ли ихъ не уважала?

Оскорбля-ли когда?

А для нихъ, собакъ, все мало,

Только даются всегда!
 Наконецъ, чего же хочешь
 Этотъ Западъ, старый песъ?
 Не поднять-ли ужъ хлопочеть
 Вновь «Восточный» онъ «вопросъ»?
 Али польское тутъ дѣло?
 Пѣсня старая слышна:
 «Еще Польша не сгнѣла»...
 Даетъ моська на слона!
 Чортъ ихъ знаетъ, въ чемъ тутъ сила?
 А я все свое твержу:
 «Чѣмъ я Западъ огорчила?»
 И ума не приложу!

Турція и Европа.

Европа съ пятьдесятъ шестаго года
 Рѣшилась Турцію въ свою семью принять...
 Ну, видно Турція рѣшилась оправдать
 Пословицу: «Въ семьѣ не безъ урода!»

На новый 1878 годъ.

Годъ тяжелый, годъ кровавый,
 Ты прошель среди невзгодъ!
 Много горя, много славы,
 Ты принеси намъ, прошлый годъ!
 Русь, на брань за угнетенныхъ
 Братій нашихъ, поднялась
 И обились честной кровью
 И Балканы и Кавказъ...
 Съ вѣрой твердой въ Провидѣнье
 Русь надѣется и ждетъ,
 Что не даромъ съ воскресенья
 Начался нашъ новый годъ!
 Да воскреснетъ Богъ! и врагъ нашъ
 Расточится и падеть,—
 И нашъ Царь-Освободитель
 Возвеличитъ свой народъ!
 Что насъ ждутъ за наши жертвы
 Миръ и счастье и покой:
 Воссияетъ солнце правды
 Надъ померкшею луной!

Прощальные стихи А. М. Шульгину.

Ты не любишь—какъ я скажу тебѣ: прощай...
 Всегда мнѣ отвѣчалъ: «Зачѣмъ не до свиданья?»
 Вотъ, ты идешь теперь въ тотъ неизвѣстный край,
 Гдѣ ни болѣзней нѣтъ, ни слезъ, ни воздыханья...
 Когда лучъ жизненный въ душѣ твоей погасъ
 И въ снѣи смертной ночь настала безъ разсвѣта—
 Я говорю тебѣ прощай, въ послѣдній разъ—
 Но до свиданья-ли?—никто не дастъ отвѣта!